

Каратышова Мария Александровна,
кандидат филологических наук, доцент филиала ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет» в г. Армавире, г. Армавир
karatyshovam@mail.ru

Репрезентация мужского доминирования в речевом поведении

Аннотация. В настоящей статье рассматривается специфика мужского речевого поведения, обобщаются и систематизируются маскулинные коммуникативные стратегии и тактики. Основная цель статьи заключается в обосновании необходимости учета гендерного фактора при анализе речевого поведения коммуникантов. Среди наиболее типичных проявлений мужского доминирования в коммуникации рассматриваются инициативность, точность, эксплицитность, терминологичность, стремление к диалоговому соперничеству и психологическая «глухота».

Ключевые слова: гендер, речевое поведение, языковая личность, коммуникативные стратегии и тактики.

Раздел: (05) филология; искусствоведение; культурология.

Одним из значимых параметров идентификации языковой личности выступает гендерная принадлежность индивида. Наряду с такими критериями, как национальная и социальная принадлежность, психоэмотивная составляющая, возрастной аспект, паралингвистические характеристики и др. гендер определяет специфику речевого поведения.

На сегодняшний день гендерные исследования представляют собой интенсивно развивающееся проблемное поле, являющееся средоточием широкого спектра междисциплинарных знаний.

В самом общем смысле гендер – это категория, описывающая совокупность норм поведения, ассоциируемого с лицами мужского и женского пола в данном обществе. Наиболее точной в рамках нашего исследования представляется трактовка А. В. Кириловой, согласно которой гендер представляет собой «элемент современной научной модели человека, отражающей социокультурные аспекты пола», поскольку акцент делается на то, что гендер обусловлен не только и не столько биологически, сколько социально и посредством культуры [1].

Очевидно, что в процессе социализации формируется определенное видение действительности, фиксируемое языком, – языковая картина мира. В языковой картине мира неизбежно присутствуют «гендерные доминанты сознания» [2.С. 7], которые оказывают значительное влияние на способ восприятия и отражения действительности. Несовпадение концептуальных структур мужчин и женщин обуславливает различия в стратегиях и тактиках их речевого поведения.

В самом общем смысле речевое поведение мужчины характеризуется как авторитарное. Это своего рода проекция существующего в обществе образа мужчины как представителя «сильного» пола. Доминирование в общественной жизни обуславливает мужское доминирование в коммуникации. Мужчине отведена ведущая роль в речевом взаимодействии, он осуществляет его контроль, в то время как женщина является вовлеченной в это взаимодействие, ее роль второстепенна [3].

Анализ литературы по вопросу гендерной специфики речевого поведения позволяет обобщить мужские стратегии и тактики следующим образом: для речи муж-

чин характерны точность, эксплицитность, терминологичность. Мужчине принадлежит первенство в продолжительности говорения, а также в частоте выступления, особенно в условиях формального группового общения, в которых мужчина чувствует себя свободно и уверенно. В целом, у мужчин отмечается тенденция к сдерживанию положительных эмоций и выражению отрицательных, что обуславливает частое использование экспрессивно-сниженных средств, намеренное огрубление речи, отклонение от установленных норм и правил общения. Мужчина воспринимает диалог как обмен сведениями, влекущий за собой решение проблем, при этом информативная функция речевого сообщения является ведущей, в то время как интерактивная функция (поддержание контакта с собеседником) представляется коммуникантами-мужчинами уже вторичной. Кроме того, диалог в мужской реализации строится по принципу перехвата инициативы в речевом взаимодействии, т. е. для мужчин свойствен соперничающий способ ведения диалога, цель которого – в реализации собственного коммуникативного намерения. Мужчина стремится скрыть недостатки и подчеркнуть достоинства и высокие притязания, поэтому в целом мужчины более категоричны в отстаивании своего мнения.

Как отмечает Е. А. Земская, особенностью речевого поведения многих мужчин является феномен так называемой психологической «глухоты», который проявляется в сконцентрированности мужчины на интересующей его теме и отсутствии ориентации на собеседника. В связи с этим мужской тип коммуникации характеризуется как более динамичный, но менее гибкий, чем женский. Мужчинам свойственно нежелание переключаться на бытовые, контактоустанавливающие темы, особенно в тех случаях, когда их собеседником является другой мужчина [4. С. 115–135], и в этом, как нам представляется, можно усмотреть еще одно проявление соперничества в коммуникации. Мужчины восприимчивы к новому в языке, в их речи больше неологизмов и терминов. Их речь менее эмоциональна, что выражается в ограниченном использовании стилистических приемов [1]. Наблюдаются некоторые особенности и письменной речи мужчин, к которым относится использование большого количества абстрактных существительных; частое употребление вводных слов со значением констатации; использование слов с наименьшей эмоциональной индексацией; ограниченное количество и однообразие стилистических приемов; преобладание глаголов активного залога и др. [4. С. 93–94].

Проследим отмеченные тенденции в речевом поведении мужчин на конкретных примерах:

(1) «Guess I must be late», he said. «**Sorry you been waiting**».

«**Oh, goodness!**», she said. «**I just got here myself, just about a second ago. I simply went ahead and ordered because I was dying for a cup of tea. I was late myself. I haven't been here more than a minute**».

«That's good», he said. «Hey, hey, easy on the sugar – one lump is fair enough. And take away those cakes. **Terrible! Do I feel terrible!**»

«Ah», she said. «You do? Ah. Whadda matter?»

«**Oh, I'm ruined**», he said. «**I'm in terrible shape**».

«Ah, the poor boy», she said. «Was it feeling mizzable? Ah, and he came way up here to meet me! You shouldn't have done this – I'd have understood. Ah, just think of it coming all the way up here when it's so sick!»

«Oh, that's all right», he said I might as well be here as any place else. Any place is like any other place, the way I feel today. **Oh, I'm all shot**» [6. С. 18].

Налицо ведущая роль мужчины в приведенном диалоге, именно он задает тему и тон коммуникации, в то время как женщина выполняет вторичную роль, является

ведомой. В первую очередь, на это указывает ее стремление поддержать вербальный контакт с речевым партнером, уйти от конфликтной ситуации. Девушка ждет молодого человека в течение сорока минут, однако на его реплику «Sorry you been waiting», которая звучит скорее как констатация факта (Жаль, что тебе пришлось ждать), нежели чем извинение, девушка отвечает, что сама пришла минуту назад: «Oh, goodness! I just got here myself, just about a second ago. I simply went ahead and ordered because I was dying for a cup of tea. I was late myself. I haven't been here more than a minute». Важно отметить, что данная реплика демонстрирует по-женски эмоциональную речевую реакцию на сложившуюся неприятную ситуацию. Типичными маркерами эмоциональности в данном случае является восклицательное предложение «Oh, goodness!», вводящее женскую реплику, а также неоднократный повтор одной и той же мысли «I just got here myself, just about a second ago», «I was late myself», «I haven't been here more than a minute», что явно указывает на взволнованность говорящего. Отметим также антонимический способ выражения пропозиции в последнем из приведенных высказываний, что способствует в данном случае акцентуации вербализуемой информации и еще раз подчеркивает стремление коммуниканта-женщины к смягчению конфликтной ситуации.

Жалуясь на свое плохое самочувствие «Terrible! Do I feel terrible!», мужчина задает тему коммуникации, которую поддерживает его собеседница. При этом она показывает свою обеспокоенность «Ah, you do? Ah. Whadda matter?», «Ah, the poor boy», вновь реализуя свойственный для женского дискурса сотрудничающий тип коммуникации (ориентация на речевого партнера). Склонность мужчин к выражению отрицательных эмоций подтверждается рядом реплик с отрицательной коннотацией «I'm ruined», «I'm in terrible shape», «I'm all shot». Обратим внимание на точность и эксплицитность подобного рода высказываний, а также на их синтаксическую простоту и структурное сходство: синтаксически высказывания минимально осложнены, характеризуются наличием составных сказуемых.

Гендерная специфика находит отражение и в особенностях оценочной коммуникации мужчин. Особенность вербализации положительной оценки внешности женщины может быть продемонстрирована следующим примером:

(2) «Why haven't I been told about her before? **That's what I call a girl! What a looker she is!**»

«Oh, really? She said that's funny. I never heard of anyone that thought that. I've heard people say she was **sort of nice-looking**, if she wouldn't make up so much. But I never heard of anyone that thought she was **pretty**».

«**Pretty is right**», he said. «**What a couple of eyes she's got on her!**» [6. С. 24].

Используя ряд восклицательных предложений «that's what I call a girl!», «what a looker she is!», «what a couple of eyes she's got on her!», говорящий дает экспрессивную положительную оценку внешности женщины. В первом и третьем случаях эта оценка выражается только при помощи синтаксической структуры предложения, так как лексические единицы с положительно-оценочной коннотацией отсутствуют. Во втором предложении оценочный компонент высказывания выражен как синтаксически, так и лексически. Сема «attractive» просматривается в значении лексемы looker эксплицитно: looker – someone who is attractive, usually a woman [7. С. 848]. Попытка собеседницы опровергнуть слова мужчины «I never heard of anyone that thought she was pretty» оканчивается коммуникативной неудачей. Мужчина проявляет категоричность в отстаивании своего мнения, заканчивая словами «pretty is right».

Склонность мужчин к психологической «глухоте» по отношению к речевому партнеру отмечена нами в примере (3):

(3) «Dance! Can she step! Burn your clothes baby», I kept telling her. «I must have been fried pretty».

«I was out dancing myself, last night», she said. «Wally Dillon and I. He's just been pestering me to go out with him. He's the most wonderful dancer. Goodness! I didn't get home until I don't know what time. **I must look just simply a wreck. Don't I?**»

«**You look all right**», he said.

«Say, this little McCall girl, she's had all kinds of offers to go into moving pictures....But she says she doesn't feel like it».

«There was a man ... two summers ago», she said. «He was a director ... and he used to keep insisting and insisting that I ought to be in the movies ... Imagine!» [6. С. 26].

Девушка тщетно пытается завоевать расположение молодого человека, который думает и все время говорит о другой женщине. Желая услышать в свой адрес комплиментарные реплики, девушка прибегает к использованию разделительных вопросов, при этом побуждая своего собеседника к опровержению ее предположений: «I must look just simply a wreck. Don't I?» – однако желаемой речевой реакции не следует. Все, что слышит девушка в ответ: «You look all right». Мужчина не понимает значения, имплицитно заложенного в словах женщины, в его речи отсутствуют гибкость и направленность на собеседника.

Очевидно, что особенности речевого поведения коммуниканта-мужчины, продемонстрированные в приведенных примерах, обусловлены не только гендерным фактором. Контекст свидетельствует о том, что именно девушка ищет расположения молодого человека. При противоположных обстоятельствах речевые стратегии и тактики коммуникантов могли бы быть иными. Однако данный фрагмент текста в целом является ярким примером авторитарного и личностно-центрированного типа мужского дискурса.

Подчеркнем еще раз, что особенности, потенциально свойственные мужскому коммуникативному стилю, проявляются в речи стохастически, т. е. с большей или меньшей долей вероятности, таким образом, вербальное поведение отдельного носителя мужского языкового сознания не обязательно воплощает весь существующий набор маскулинных языковых предпочтений, т. е. роль гендерного фактора в языке не является абсолютной.

Ссылки на источники

1. Кирилина А. В. Гендер и язык // Московский гос. лингвистический ун-т; лаборатория гендерных исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 624 с.
2. Вандышева А. В. Гендерно ориентированная лексика в языковой картине мира: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10. 02. 19, 10.02.20 – Ростов н/Д., 2007. – 25 с.
3. Токарева И. Е. Лексико-стилистическая вариативность языка: социальный и гендерный аспекты (на материале произведений Джона Фаулза): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Ростов н/Д., 2006. – 184 с.
4. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С. 90–136.
5. Медовый месяц и другие рассказы английских писателей. – М.: Айрис-пресс, 2006. – 288 с.
6. Longman Dictionary of Contemporary English. – Barselona Pearson Education Limited, 2011. – 1754 p.

Maria Karatyshova,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kuban State University (Armavir branch), Armavir
karatyshovam@mail.ru

Representation of male dominance in speech behavior

Abstract. This article deals with the particularities of male verbal behavior. Masculine communication strategies and tactics are generalized and systematized. The main purpose of this article is to justify the necessity

of taking into account the gender factor while analyzing verbal behavior of communicants. Among the most common means of representation of male domination in the communication are initiative, accuracy, explicitness, the use of terms, the desire for dialogue rivalry and psychological "deafness".

Key words: gender, verbal behavior, language personality, communication strategies and tactics.

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
 главным редактором журнала «Концепт»

Поступила в редакцию <i>Received</i>	17.08.15	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	19.08.15
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	19.08.15	Опубликована <i>Published</i>	01.09.15

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2015

© Каратышова М. А., 2015